

Пока профессиональная культура ученого-правоведа не рассматривает и не культивирует ПЮН в качестве обязательного и почетного элемента.

Трудным, но необходимым и в определенной степени неизбежным путем активизации ПЮН выступает последовательное «отслеживание», оценка и экспериментальная апробация появляющихся инновационных информационных технологий на предмет применения в популярном представлении научного правового знания. Не только искусственный интеллект может быть задействован при поиске новых форм ПЮН. Обогащение (но не вытеснение!) форм ПЮН средствами интернета и мультимедиа должно привести к перераспределению средств научной коммуникации и одновременно повысить эффективность ПЮН.

Надеюсь, что мои предложения по активизации ПЮН не попадут в разряд утопических проектов: в случае их реализации роль юридической науки постепенно улучшит свой имидж в массовом и профессиональном правосознании россиян.

И последнее. ПЮН — тот мощный познавательный и организационно-управленческий механизм, который позволяет показать, что за скучными, сухими (на первый взгляд!) правовыми категориями и конструкциями, громоздкими законами и сложноструктурированными нормами стоит «живая» действительность, в которой ежечасно общаются люди и их объединения.

Без знания и внутреннего «принятия» юридического среза жизнь человека в принципе не может быть достойной и комфортной, благополучной и обеспечивающей перспективу своим детям.

ПЮН — тот ресурс, который способен «прояснить» загадки и тайны правовой реальности, ответить (хотя бы в первом приближении) на «вечные» вопросы, касающиеся каждого: почему веками не утихают ожесточенные споры о смертной казни, эвтаназии, прерывании беременности, живучести терроризма и экстремизма, национальных и сексуальных предпочтениях?

Конечно, правовая наука (как и любая иная) интернациональная, но результаты ее все-таки, как правило, несут национальный характер, и их популяризация свидетельствует, прежде всего, о развитии российской цивилизации.

Тарасов Николай Николаевич,

доктор юридических наук,

профессор кафедры теории государства и права

Уральского государственного юридического
университета

Роль и значение юридической науки в современной России как предмет исследования (методологические основания)

Вопрос о роли юридической науки в предлагаемой постановке может показаться достаточно искусственным, поскольку в современных представлениях наука, наряду с государством, семьей, образованием и т. д., является необходимым институтом общества, занимающим в его структуре определенное место и осуществляющим определенные функции. Правда, эти представления связаны с теоретическими обобщениями и оправданы только в рамках одной из теоретических моделей. Что касается социологии понимания и оценки роли и значения конкретного социального института в конкретном обществе, то она может существенно отличаться и в различных культурных традициях, и на различных этапах общественного развития, да и в различных исторических ситуациях¹. Другими словами, принятая теоретическая модель позволяет уверенно определять нормативное значение науки в системе современного общества, но недостаточна для понимания ее роли и значения в конкретном, отдельно взятом обществе.

Действительность роли и значения науки в конкретном обществе определяется не только идеями господствующей картины мира, формами и структурой общественного сознания, но и всеми вариациями контекстов социокультурного процесса данного общества. Если обратиться к исходному

¹ См.: Для науки хорошим примером является историческая ситуация, сформированная становлением в XX веке философии постмодернизма, которая, в отличие от традиции модерна, уже не рассматривает научную рациональность как необходимый элемент системы социального развития. В смыслах Лиотара это выглядит, например, как соотношение рационального знания с «террором», которому противостоит постмодернистское знание, отвергающее универсальность и определенность науки и поэтому не являющееся «...исключительно инструментом властей». См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Москва, Алетея, 1998. С. 11–12. См. также: Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 73–76.

пониманию социокультурного процесса¹ и трактовать его как взятое во взаимовлиянии единство социальных процессов и фундаментальных идей, то обоснованно принять, что общественное сознание — результат не просто некоего совокупного влияния естественных и искусственных факторов социальной действительности, а скорее, «результатирующая» их взаимовлияния. Таким образом, для целей данного обсуждения обоснованно принять, что если роль науки допустимо определять в рамках теоретической модели общества, то значение связано с состоянием общественного сознания.

Для более точного понимания как сказанного, так и ряда последующих утверждений необходимы некоторые пояснения. При обсуждении роли естественных и искусственных факторов в формировании общественного сознания и научного сознания как его формы необходимо учитывать, что системные и развернутые обсуждения понятий «естественное» и «искусственное» в юридической литературе не слишком распространены², поэтому и методологические смыслы данных категорий в основном остаются вне рамок наших научных интересов, а соответствующие понятия применяются, как правило, контекстуально, например, в связи с привычной категориальной оппозицией «объективное — субъективное»³. Не входя в содержание соответствующих дискуссий, отметим только, что в методологических разработках социальных наук сегодня можно различить как минимум два подхода к пониманию естественного и искусственного⁴.

Первый подход, в своих основаниях восходящий к Аристотелю и широко распространенный в литературе, исходит из данности естественных и искусственных объектов (процессов, структур и т. д.), являющихся таковыми по своей природе. В основном этот подход развивался в натуральной философии, где «естественное» полагается существующими независимо от нашего сознания, мышления и деятельности. Искусственное же связывается как раз с мышлением и деятельностью как «человеческим фактором»⁵. При такой трактовке «естественное» в социальных науках понимается, например, как «инстинктивные», «спонтанные», «стихийные» и т. п. действия или процессы, а «искусственное», соответственно, — как целевые действия или деятельность⁶.

Второй подход полагает искусственное и естественное не натурально, а как модусы существования объектов. Другими словами, естественное или искусственное здесь связано не с «природой» исследуемого объекта, «... а с различными способами его полагания, представления в мышлении и знаниях о нем»⁷. Этот подход и используется в дальнейшем, поскольку позволяет в юридических исследованиях разрабатывать проблему естественного и искусственного как проблему методологическую.

Такое понимание естественного и искусственного в качестве исходного полагания дает возможность утверждать, что наука, как и государство, семья, религия и прочие институты, влияет на социальную действительность так и постольку, как и постольку они оформлены категориально,

¹ Например, в версии Р. Будона, П. Сорокина. См.: Будон Р. Место беспорядка: Критика теорий социального изменения. Москва, 1998. С. 165; Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Москва: Астрель, 2006. С. 95. Философско-методологические смыслы такого понимания см.: Хайдеггер М. Время и бытие. Москва, 1993. С. 238–239; Дротянко Л. Г. Социокультурная детерминация фундаментальных и прикладных наук // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 91.

² Отдельные экскурсы в эту проблематику были весьма яркими (см.: Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. С. 119 и след.), однако традиции не создали, поэтому в нашем методологическом активе исследований данной проблематики в основном философские разработки. См.: Кедров Б. М. Естественное и искусственное в познании и деятельности человека // Вопросы философии. 1958. № 11; Щедровицкий Г. П. Философия у нас есть // Философия. Наука. Методология. Москва: Шк. культ. политики, 1997. С. 11–14; Генисаретский О. И. «Искусственные» и «естественные» системы // Вопросы методологии. 1995. № 1–2; Рац М. В. «Искусственное» и «естественное» / под ред. П. Г. Щедровицкого, В. Л. Даниловой. Москва: РОССПЭН, 2010.

³ См., напр.: Шейндлин Б. В. Сущность советского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ленинград, 1962. С. 23. Что, кстати говоря, можно считать почти традицией.

⁴ Подробнее о значении категорий «естественное» и «искусственное» в теории права. См.: Тарасов Н. Н. Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский Юридический Журнал. 2020. № 5.

⁵ См. напр.: Щедровицкий Г. П. «Естественное» и «искусственное» в развитии и функционировании знаковых систем // Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Кн. 1. Москва, 2005. С. 419.

⁶ См.: Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Москва: Новости, 1992. С. 243–244.

⁷ См.: Рац М. В. «Искусственное» и «естественное» / под ред. П. Г. Щедровицкого, В. Л. Даниловой. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 323. Исходную идею см.: Щедровицкий Г. П. «Естественное» и «искусственное» в развитии и функционировании знаковых систем // Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Кн. 1. Москва, 2005. С. 419–420.

восприняты и словарем бытового языка, и понятийным аппаратом языков специальных. В этом плане уже требуется обсуждение роли науки в обществе не только как социального института, но и как формы познания. Понятно, что рефлексия науки как формы познания осуществляется достаточно узким кругом ученых и философов, а взаимодействие различных субъектов с наукой и ее восприятие обществом происходит посредством институциональных форм. По большому счету и отношение к науке со стороны общества, его отдельных субъектов формируется тем же путем¹. Однако при условии и благодаря определенному типу образования и системному просвещению, ограниченность такого институционального восприятия преодолевается через расширения контекста и содержательного дополнения, в частности, представлениями о формах познания, их возможностях и ограничениях. В этом случае научное сознание как форма общественного сознания определяет ядерное содержание мировоззрения, а наука становится основанием картины мира².

В предлагаемой трактовке оправдано произвести еще одно полагание в плане условий корректности оценки роли науки по критерию востребованности этой формы познания конкретным, отдельно взятым обществом. Одним из индикаторов такой востребованности могут служить формы актуализации науки субъектами социальных процессов, то есть как конкретные субъекты, общество «видят» науку в рамках той или иной деятельности. Понять это, кстати говоря, не так просто, как может показаться. Для юридической науки ситуация осложняется ее эпистемологической сложностью, обусловленной как генезисом, так и историческими особенностями становления теоретической юриспруденции. Суть отмечаемой сложности состоит в многоплановости юридического мышления, работающего как в собственно научных, так и философских и догматических контекстах. При этом данные контексты не ведут к формированию обособленных планов содержания, поскольку даже в процессе собственно теоретического исследования в силу преобладающей практической ориентации нашего профессионального сознания юриспруденция почти нормативно «проецирует» научную проблему на социальную действительность через интерпретацию ее практических смыслов и анализ возможных механизмов реализации. Реализация же, понимаемая главным образом через организацию профессиональных практик, как раз и требует всесторонней оценки существующих условий, учета различных процессов и закономерностей (от климатических до экономических и от психологических до идеологических). Таким образом, соотнося свои идеальные построения с актуальной социальной реальностью, теоретик права вынужден как бы осуществлять их проверку форме, напоминающей мысленный эксперимент в естественных науках. Добавив к этому сложившуюся в нашем сообществе традицию оценивать научные работы по наличию практических предложений, являющихся, по сути, «инженерными конструкциями», требующими определенности, в том числе по своей адресности в системе профессиональных практик (то есть реализуемости), мы получаем теоретическую юриспруденцию как исследовательское пространство, исключительно сложно организованное. При такой интерпретации структуры юридической науки нетрудно заметить, что план идеальных (теоретических) построений в ней императивно сопряжен с эмпирически воспринимаемой действительностью и мыслительным конструированием фрагментов как социальных, так и профессиональных практик. Если поискать в такой исследовательской работе правоведов параллель, например, в естественных областях, то возникает «подозрение» о синкретическом соединении в научной деятельности юристов нескольких форм интеллектуальной деятельности. Как минимум это теоретическая (работа с понятиями), экспериментальная (интерпретация теоретических понятий в представлениях и терминах профессиональных практик), инженерное проектирование (разработка предложений по совершенствованию

¹ В массовом сознании наука, по сути, отождествлена с организаторами науки, то есть руководителями научных учреждений. В принципе это понятно и в определенном плане нормально. Нормально до тех пор, пока не приводит к искаженному восприятию и неадекватному отношению.

² Подчеркнем, что превращение науки в «символ веры» не означает формирование научного сознания, которое подразумевает понимание сущности научного познания, его возможностей и ограничений, значения для функционирования и развития общества и государства. На самом деле смешение институциональной формы и сущности науки не так безобидно. Сходную ситуацию мы имели в образовании, когда строили идеологию образовательных форм и процессов, исходя не из культурных оснований и социальных функций образования, а из конструкции юридической формы (услуги) возмездных отношений. Думается, разрушительная роль такой понятийной катастрофы еще не только не осмыслена в достаточной мере, но и не находится в зоне надлежащего исследовательского внимания нашей педагогики и социологии.

законодательства или организации профессиональной деятельности), организационно-техническая (определение форм внедрения предложений) и др. Образно говоря, юристы в своей научной деятельности вынуждены выполнять работы, которые в естественных областях выполняются представителями как минимум четырех специальностей.

При такой полисистемности юриспруденции привычное понимание практики как адресата научных исследований, как и дихотомия «теория — практика», являются сильно редуцированными. Таким же упрощением является и представление, согласно которому научное знание должно получить непосредственное применение в юридической практике: обладать практической значимостью¹, хотя такие представления создают некоторые смыслы. Вопрос только в понимании сущности практического применения и практической значимости разработок юридической науки. Ответ на него, в свою очередь, определяется подходом к пониманию юридической практики.

Прежде всего, в социокультурном плане юридическая практика не может ограничиваться функционированием правоприменительной системы и узкопрофессиональной деятельностью юристов², а должна пониматься как социальная, базирующаяся на интеллектуальной и духовной основе общества. В этом плане юридической практикой оправдано считать только такую деятельность в сфере права, которая соответствует идеалам права, правовым принципам и ценностям³. Только при этом условии юридическая практика обеспечивает воспроизводство права и правопорядка, а значит, и общества, поскольку в таком подходе право, регулируя общественные отношения, обеспечивает воспроизводство общества. Из чего следует, что роль юридической науки не столько в служении функционалу профессиональной юридической практики, сколько в обеспечении развития правового сознания и правовой культуры, и в этом смысле — развития юридической практики⁴. При такой трактовке соотношения юридической науки и практики сложно утверждать, что именно юридическая практика — непосредственный потребитель научных знаний⁵. Это означает, что юридическая практика, разумеется, видит науку, но результаты научных исследований «потребляет» в виде сложных систем объединяющих и прикладные разработки, и технические конструкции, и организационные формы, и процедурные «технологии», и т. д.⁶

Основываясь на сказанном, при условии методологической редукции, разумеется, можно принять, что наиболее надежным индикатором отношения к науке и в этом смысле понимания

¹ «Теория становится научной только тогда, когда высказанные на ее основе гипотетические предположения оправдываются на практике» (см.: Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск. 1987. С. 118) или «для правовой теории достаточно решать задачи, встающие перед судом» (см.: Фогельсон Ю. Б. Избранные вопросы общей теории обязательств: курс лекций. Москва, 2001. С. 19).

² В таком представлении юридическая практика не может рассматриваться и как критерий научной истинности, что обсуждалось и обосновывалось еще советской юриспруденцией. «Критерием истинности общетеоретических правовых положений не может быть только юридическая, государственно-правовая практика, сама представляющая только форму (не всегда адекватную) социального содержания. Поэтому критерием юридической науки, в том числе общей теории, является вся общественная практика...». См.: Явич Л. С. Общая теория права. Ленинград, 1976. С. 15–16.

³ Именно в этом и заключается пафос сегодняшнего противостояния в отношении нормирования международных отношений между нами и Западом, соответственно, между идеей права и идеей порядка, основанного на правилах, поэтому и прав В. В. Лазарев, утверждая, что правовые принципы являются «системообразующим фактором юридической практики». См.: Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 134.

⁴ В этом плане практическую значимость имеют любые научные исследования, способные прямо или косвенно в данный момент или в перспективе в форме конкретных рекомендаций и разработок или теоретических принципов, положений и конструкций повлиять на юридическую деятельность, юридическое мышление, юридические институты или процесс правового регулирования.

⁵ Кстати, история юриспруденции наводит на мысль, что юридическая практика в течении многих столетий вполне успешно компенсировала отсутствие науки оргтехнической и организационно-задачной рефлексией (римская юриспруденция, глоссаторы и т. д.). Подкрепленная цеховым обучением профессии, такая юридическая практика вполне обеспечивала самовоспроизводство (и даже без явной тенденции к вырождению). Другое дело — развитие. Если любые изменения юридической практики не отождествлять с ее развитием, предполагающим, как известно, идеального плана действительности, то есть теории, философии и т. д., то тандем с наукой неизбежен.

⁶ Понятно, что в еще меньшей степени юридическая наука непосредственно воспринимается и может служить основанием иных практик (политическая, экономическая, управленческая и т. д.).

ее роли и значения в конкретном обществе, является «научность» общественного сознания¹. С этих позиций бросается в глаза непосредственная связь юридической науки с образованием, не только специальным юридическим, но и общим, формирующим основные категории и принципы картины мира. Это означает, например, что, не придавая особого значения разного рода нежелательным эффектам от внедряемых форм организации науки или нормирования ее предметной организации, мы не просто снижаем эффективность данной формы познания, но и разрушаем одну из форм общественного сознания. Равно и постоянные изменения предметной структуры образования и разного рода модернизации учебных форм могут не просто снизить его качество, но и вывести из зоны преподавательского влияния формирование мировоззрения и профессионального сознания. Возможные эффекты от этих процессов: ценностная дезориентация определенных социальных групп (в первую очередь молодежи) и смена восприятия тенденций в государстве и обществе с позитивного на негативное со всеми вытекающими последствиями.

Изложенные методологические подходы к исследованию обозначенной проблемы позволяют сформулировать и несколько оценочных суждений. При анализе состояния указанных индикаторов оценки роли и значения науки в конкретном обществе обнаруживаются достаточные основания полагать, что современные тенденции отношения к науке у нас не самые позитивные хотя бы потому, что общественное сознание России в своих мировоззренческих основаниях уже не так гомогенно, как в эпоху Советского Союза, когда наука, по сути, являлась единственным инструментом построения картины мира. Сформировавшаяся в процессе ее философской рефлексии онтология была рационально обоснованной системой, составившей фундамент всех уровней образования, что позволяло в том числе создавать генерализированные смыслы социальных событий и действий, а значит, обеспечивать устойчивую поддержку экономических, политических и организационных стратегий государства, разрабатываемых управленческим аппаратом проектов и программ. Это, в свою очередь, создавало необходимую консолидацию общества, устойчивость и синхронизацию большинства социальных процессов. Однако именно в силу научности господствовавшей картины мира развал Советского Союза нанес самый разрушительный удар даже не по экономике или государству², не по системам управления или организационным формам³, а по структуре нашего сознания и, прежде всего, по научной картине мира. Понятно, что больше всего пострадали науки социальные⁴, которые в той или иной степени составляли синкретическое единство с господствовавшей трактовкой философии марксизма и предметно, и методологически. Одним из триггеров данного процесса стало восприятие развала СССР и последовавших за этим событий в бывших советских республиках как проявление социальных законов, верифицированных ходом «общественно-исторической практики», которая в советском сознании являлась бесспорным критерием научной истины. Это, в свою очередь, породило эффект «очевидной» несостоятельности философии социализма и исторической «ошибочности» существующего общественного строя⁵. При этом соединение в общественном сознании господствовавшей философской системы с научностью привело к формированию как минимум скепсиса не только к социализму как общественному строю, но и состоянию социальных наук в России, да и к самой методологии научного познания законов общественного развития.

Для юридической науки проблема состояла даже не в том, что образовавшаяся тенденция тотального отказа от господствовавшей гносеологии достаточно быстро проявилась в литературе как новая философско-методологическая установка — это процесс понятный и, видимо, неизбежный. Проблема состояла в катастрофической недостаточности философско-методологической

¹ Такой взгляд можно резонно и основательно критиковать, разумно указывая, например, на то что действительное отношение к науке гораздо точнее отражают, скажем, уровень и структура ее финансирования. Для нашего сознания аргумент очень сильный и почти не опровергаемый, но тем не менее поддающийся проблематизации. Во всяком случае период так называемой «лысенковщины» в нашей истории наглядно продемонстрировал необходимость, но не достаточность организационных и финансовых ресурсов для обеспечения развития науки.

² Что вполне подтверждено успешностью нашего противостояния разного рода санкциям.

³ Сегодня уже можно фиксировать их восстановление или замещение модернизированными конструкциями.

⁴ На уровне обывденного сознания, судя по всему, «зацепило» и науки естественные. Достаточно, обратить внимание на объем и популярность контента массмедиа, связанного с разного рода магией, экстрасенсорикой, «загадками» эволюции и т. д. Причем, похоже, процесс становится устойчивым. См., например: Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. Москва, 2001. С. 4–5.

⁵ Последовавшие в стране события и реформы данный эффект укрепили и закрепили.

рефлексии данного процесса, его движении без надлежащей проработки рациональных оснований, а потому при сильной коррекции влияния разнонаправленных политико-идеологических факторов, что привело в том числе к разрыву между декларируемой методологией и практикой исследования¹. Таким образом, по большому счету отказ от методологии советского правоведения не состоялся. Не привели к искомому результату и попытки обнаружить иные учения, пригодные для замещения «освободившегося» места философско-методологических оснований нашей юридической науки. По понятным причинам считалось, что такие учения могут быть обнаружены только в западной интеллектуальной культуре. Однако в 90-х годах прошлого века в западной традиции познания уже господствовала философия постмодернизма, вариации которой явно не годились на роль методологического фундамента теоретической юриспруденции². Во всяком случае, все даже заслуживающие внимания попытки предложить теоретической юриспруденции методологическую опору на идеи постмодернизма не вышли за рамки философско-методологических дискуссий. Кроме того, принципиальных изменений в понятийно-категориальном аппарате юридической науки, методах теоретического исследования, способах обоснования и аргументационном дискурсе обнаружить не удается³.

Если на юридическую науку указанные обстоятельства решающим образом не повлияли, то авторитет теоретического познания в сфере социогуманитаристики явно пострадал как в глазах принимающих решения элит, так и в массовом сознании. Понятно, что это не выражается в публичном отрицании социальных наук, их возможности объяснять причины и суть идущих в обществе изменений и прогнозировать развитие социальных процессов. Однако изменения форм и определенная стагнация механизмов связи науки и институтов государства, обозначившиеся тенденции политики в сфере науки и образования дают повод обратить внимание в плане оценки роли и значения юридической науки в современной России на отдельные настораживающие факты. В частности, это касается явной склонности нашей регулятивной практики, как и практики государственного управления, использовать интеллектуальный потенциал юриспруденции не столько в форме научных исследований, сколько оценки специалистов и экспертного мнения, которые, бесспорно, важны и необходимы сами по себе. Может показаться, что эти позиции разводятся искусственно, поскольку субъектом конкретного экспертного отношения выступают в том числе и представители научного (к сожалению, очень редко юридического) сообщества⁴. Однако существенное различие здесь должно осуществляться не по основанию субъекта, а по содержанию отношения и деятельности. В этом плане экспертное мнение — это позиция конкретного субъекта, а научные исследования — отчужденная форма знания. Кроме того, эксперт или отвечает на поставленные вопросы, или высказывается по предложенной проблеме. Это означает, что сама квалификационная ситуация задается не экспертом. В этом смысле эксперт встроен в контекст, определяемый другими субъектами, а ученый имеет независимую позицию, определяемую предметом и методом исследования. Наконец, эксперт отвечает за эффективное включение в процессы знаний, а ученый — за устранение незнания. В этом смысле эксперт ограничен процессом функционирования, а ученый способен работать и в режиме развития.

В заключение еще одно утверждение, которое является рефреном многих работ автора и его ценность. Юриспруденция в долгу перед современной Россией в плане теоретического обеспечения эффективного функционирования и развития российского государства и права. Однако наша миссия не в том, чтобы найти наконец ту единственную, универсальную и абсолютно истинную теорию государства и права, а в создании продвинутой теоретической юриспруденции, эвристический потенциал которой напрямую связан с методологической состоятельности юридической мысли.

¹ Нетрудно заметить, что и сегодня отказ от гносеологии марксизма широко представлен в декларативной части большинства наших научных работ и минимально в предметной.

² Впрочем, видимо, как и любой другой науки. См., например: Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. Москва, 2001. С. 5 и след.

³ Вряд ли причина этого в традиционно слабой восприимчивости юридической мысли к разного рода идейным течениям. Скорее дело в особенностях текущей социокультурной ситуации, но это уже тема отдельного разговора.

⁴ В этом смысле, эксперт и ученый это разные позиции и замещать одну другой нельзя. Правда, появляются попытки обосновать существование экспертной позиции науки как элемента современной научной инфраструктуры. См.: Масланов Е. В. Социальная позиция эксперта как новый элемент науки // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 113–131.